

**«А ВЕСНА ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИДЕТ,
ОНА НЕПРЕМЕННО БУДЕТ...»**

Пасмурный промозглый февральский полдень, скорее похожий на закат. Под ногами слякотная, холодящая ноги жижа. С утра ощущение тревоги, тяжести и даже безысходности. На кафедре, что находится на первой линии Васильевского острова, обсуждали что-то важное, пили чай, потом пошли к метро. Говорим, не о делах, а почему-то то о Тютчеве, то о Фете... И вдруг Владимир Георгиевич произносит: «А весна обязательно придет, она непременно будет...» Эти слова как солнечный луч из-за сплошной облачной пелены — мгновенный, ласкающий и согревающий. Слова эти для меня стали кодовыми: что бы ни случилось — весна обязательно придет. И появляется вера, с нею — надежда, следом (пусть ненадолго) уверенность...

Сказать, что В. Г. был удивительный человек — все равно, что ярлык навесить — стандартный, сухой, но именно это слово — удивительный (диво, дивиться, удивлять и удивляться) отражает его сущность.

Прежде всего, он был человеком вне времени. Он так много знал и так полифонично и глубоко чувствовал, что принадлежал одновременно разным культурным эпохам. Его перевод «Божественной комедии», его антологические стихи говорят нам — это человек Возрождения; венек сонетов, посвященный Павловску — он из прошлого России; слушает Верди — словно беседует с ним, пишет об Италии — грустит по родному. В. Г. Маранцман ощущал, воспринимал культуру далекой от него эпохи, культуру народа, которому не принадлежал, как свою, как родную. Он мог, говоря строкой фетовского стиха, «чужое вмиг почувствовать своим». Энциклопедизм и бесконечно богатая гамма эмоций, которая жила в нем, делала возможным для него такую реальность. Словно временной тоннель открывался и позволял ему свободно существовать в разных временных и пространственных мирах то Данте, то Пушкина, то Ахматовой...

Вместе с тем, он не был человеком, витающим в облаках. Он всегда был здесь и сейчас, делал нужное дело, отстаивал то, что считал правильным и праведным, ставил цель и шел к ней, и вел к ней людей, которых считал соратниками, протягивал руку и гостеприимно приглашал в свой мир, в союзники, готовый всегда идти «вместе».

И все же было в нем что-то, что рождало ощущение полета, непосредственность и вера — вера в себя, вера в другого, вера в возможность решения сложных, казалось бы, неразрешимых задач. Своей непосредственностью и увлеченностью он заражал других. Вспоминается Между-

народный конкурс педагогического мастерства, который проходил на базе Артека в начале двухтысячных годов. Учителя из разных уголков России (и не только) дают открытые уроки с группами учеников, которых они привезли с собой. Подмосковная школа. Учитель — умная, тонкая, доброжелательная, талантливая, о чем свидетельствуют результаты ее труда — замечательные ученики. Начинается первый урок. Кажется все хорошо, все, как надо: стройно, грамотно, умно. Но, вероятно, учитель не может справиться с волнением, боится ошибиться, это передается классу — ребята зажаты, нет нужного нерва, пульсации, какая появляется от живого процесса, словно сбилось дыхание. Владимир Георгиевич нервничает (он не умел прятать эмоций или не хотел...). Он чувствует возможности класса, которые не реализуются. Урок закончен. Впереди еще один. Очень осторожно, бережно, не желая напугать, обидеть, просит: «Позвольте, я попробую продолжить урок». По школе в минуту разлетелся слух: Маранцман дает урок. Звонок. В аудитории яблоку негде упасть, и учителя, и члены жюри, все, кто мог, здесь. Владимир Георгиевич выходит на невысокий помост перед доской, начинает говорить. Минута, вторая, третья — и что-то происходит: дети те же, но другие, вернее, они такие, какими сотворила их учительница, теперь они настоящие. Они заговорили легко, свободно. Было ощущение, что этих в белых кофточках и рубашках птенцов кто-то поднял на крыло, и они — взлетели, и теперь счастливые парили, наслаждаясь предоставленной свободой. Учительница заплакала. От счастья и гордости: ее дети демонстрировали высочайший уровень понимания и общения.

Этот человек жил широко, размашисто, он, казалось, ничего и никого не боялся и позволял себе поступать, говорить, делать так, как чувствовал и мыслил. С ним было нелегко, потому что он не знал середины, он проживал свою жизнь в «наивысшей степени»: если любил, то беззаветно, если не принимал чего-то, то предельно категорично, если кому-то верил, то верил без оглядки. И в этом смысле он был похож на ребенка, который мог увлекаться и обманываться. Это касается его личных отношений с окружающими. В профессии же, в методике он всегда и точно знал, где истина. И здесь он никогда не был подвержен влиянию, он отстаивал и защищал свои позиции отчаянно, невзирая на дружеские отношения и симпатии. При этом он обладал потрясающей способностью увидеть достоинства другого, понять другого, поддержать его.

Мысль о том, что особенности авторской методической системы определяются личностью ее создателя, не нова. Методическая система Маранцмана развивалась и продолжает развиваться его учениками, такими являются даже те, кто от него сегодня отрекается. И все же в основе этой системы — идеи, заряженные энергетикой личности Учителя.

Есть множество факторов, определяющих личность Маранцмана. Один из них — это поэтический дар. Поэт — человек крайностей, даже если речь идет о полутонах — все равно они проявляются в превосходной степени. О чем я и пыталась сказать. Маранцман — поэт по мироощущению и восприятию. Но он еще и просто поэт, который пишет стихи.

Прежде всего, сочинительство не было для него простой забавой, чем-то вторым или третьим. Оно, смею предположить, такая же значимая составляющая его духовной жизни, как методическая деятельность, как переводческая. Это одна из форм самовыражения, позволяющая понять глубинные интенции и скрытые механизмы его методической системы.

Сонет, миниатюра, элегия, послание — далеко не полный перечень жанров, в которых воплощался «внутренний человек». Им создано несколько циклов: «Песни муз», «Павловск», «Календарь любви», «Лики природы», «Зеркала искусств», «Петербург». Философ сказал: «Искусство — автопортрет культуры», поэзия всегда автопортрет автора. Каков он — Маранцман — лирический герой нескольких поэтических циклов.

Цикл как форма объединения поэтических текстов (прежде всего по тематическому принципу) указывает на то, что написание стихов было для поэта Маранцмана потребностью, состоянием, в котором он пребывал с постоянством. В его произведениях ярко обозначены две ценностных доминанты: искусство и любовь или — любовь и искусство ?

Искусство — послекусие любви.
Когда она растерянно уходит,
в потемках музыка мотив выводит,
чтоб музы душу к слову повели.
Искусство — эхо нежное любви.

Искусство, может быть, дитя любви.
Оно хранит в себе ее порывы,
но если в сети чувств мы суетливы,
в стихе суть жизни сразу улови.
Искусство нам дано взамен любви.

Искусство — просветление любви.
Когда невыносима резкость жара,
когда за радость наступает кара,
мы строим церковь Спаса на крови.
Искусство — уходящий свет любви.

В искусстве наступает смерть любви.
Оно ножом обрубит пуповину,
как только отчужденья видит спину,
и прежних ласк тогда уж не зови.
Искусство — отрешение любви.

Ответ в тексте: искусство — выше — «Искусство нам дано взамен любви».

Что же для него искусство? Процесс творчества он сравнивает с любовью:

Услад любви и пытки вдохновенья
едина суть. Полеты без границ
манят восторгом самоотреченья.

И далее:

Услад любви и пытки вдохновенья
едина суть. Они грозят тебе
полетом в бездну до изнеможенья.

Любовь и вдохновение схожи и равнозначны, у них одна природа: это полет без границ, пусть даже в бездну и — самоотреченье...

Искусство обладает величайшей силой воздействия на человека, и это известно поэту — Маранцману. Он пишет: «Искусству искренности мало, // Оно всю жизнь грозит испить», то есть оно требует жертвы (ни много, ни мало) — жизни. Почему эта жертва поэта не пугает, он спрашивает в стихотворении «Я не надеюсь больше на добро»: «Но отчего лукавое перо // По белому листу скользит проворно?» и дает ответ в другом стихотворении:

Здесь мир, где вольному запрета нет.
Рыданием спасает он от бед,
и в жуткой темноте дарует свет,
на то, что мучает, дает ответ.

Стих принесет благословенье дню
откроет таинство волшебной ночи,
он расстоянья делает короче,
и я его за странность не браню.

Лишь от стихов яснее голова
и отступает нестерпимость боли,
и рифм цветок распустится на воле.
Они как в море грозном острова.

Стихи звучат порой едва-едва
и прячутся в углах души, доколе
не окатит тебя волною соли
беда иль радость, оглушив сперва.

Здесь все очевидно, эти строки не нуждаются в комментарии. Обратим внимание только на один момент: Настоящее искусство всегда рождается на пике боли, будь она от великой радости или великой

скорби. Об этом и говорит поэт: настоящее прячется в углах души пока «не окатит тебя волною соли беда иль радость, оглушив сперва». Стихи для него — как в море грозном острова, которые спасают его от бед, которые дают ответы на волнующие вопросы, а главное — это мир, в котором нет запрета.

В стихах Маранцмана явственно видны его эстетические предпочтения: музыка — похоже, это его главная страсть. На это указывают не только прямая декларация, но и музыкальные термины, с помощью которых он выражает свое состояние:

Страданье призывает дух мелодий,
чтоб песнопеньем победить раздор,
и прерывается жестокий спор
дыханьем теплых вальсов и рапсодий
(«Стихов, чужие руки, не касайтесь...»)

Кому выпало счастье общения с Владимиром Георгиевичем, знали, что музыка была его страстью. В строках следующего стихотворения оживает образ человека, который в мире музыки не был гостем — это была его родная стихия:

О, раненая музыкой душа!
Ты звуками в мгновенье сражена,
Слезам, как огнем обожжена.
Приходит ветер, листья вороша,
То свет приносит, то ночную мглу,
И мир шумит теперь в моем углу.
Пути не зная, я вперед лечу,
Хоть не осталось сил, но властен зов,
И каждый день, входящий в сердце, нов,
И горе я мелодией лечу.
Нет, музыка не возвращает вспять,
она велит все сызнова начать.

Что касается языка поэзии, то прежде всего обращает на себя внимание такая особенность, как отсутствие в его стихах слов-маркеров, указывающих на социальный статус, на время, в котором живет поэт. Нет в них особенных, редко употребляемых слов, он не создает неологизмов, но знакомые привычные уху слова в его стихах перестают выполнять просто коммуникативную функцию: они получают новое эстетическое звучание и оправдание: Чистейший русский язык. Вспоминаются слова Паустовского том, что «поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную, девственную свежесть». Полное соответствие этому находим в поэзии Маранцмана.

Поэзия В. Г. Маранцмана не является просто самовыражением, она наполнена жаждой просветительства, желанием «обратить в свою веру», привести в мир красоты, в мир искусства других. Это не делает ее назидательной, но придает удивительную пронзительность:

Мне говорить, что сердце отдавать:
и больно, и безумная отрада,
когда поймешь, как слова людям надо,
когда наступит встречи благодать.

И, побеждая недостаток сил,
я отдаюсь зовущему полету,
беру высокую до звона ноту
и открываю все, что я любил.

Читая стихи В. Г. Маранцмана, понимаешь: творческий процесс, который может быть представлен как замысел-труд — воплощение был не просто осмыслен методистом, но и пережит. Потому так достоверно и основательно представлен в его методической системе. Процесс литературного творчества он рассматривает как движение к смыслу и не просто к смыслу, но смыслу художественному, поэтическому.

Цель его жизни была — поднять литературу, поэзию, искусство до уровня эстетического культа, помочь читателю ощутить ту ее силу, которой обладал Орфей, которая известна и ему.

В методике Владимир Георгиевич — поэт, художник, в поэзии — просветитель. Литературоведческая, переводческая, поэтическая деятельность Маранцмана соединены в учительстве, которое и было смыслом его жизни.

Тема «Маранцман-поэт» требует специального осмысления, а его стихи могут составить содержание хорошего поэтического сборника, вызывающего у читателя, по выражению русского классика, «поэтический восторг» и веру в то, что весна обязательно придет, она непременно будет...».

Выражаю глубокую благодарность Елене Константиновне Маранцман за предоставленные рукописные материалы — стихи В. Г. Маранцмана.